

ГЛАВА 9

«Рай» завершает странствие поэта.

Вместе с Беатриче Данте возносится на небо и поднимается все выше и выше, из одной небесной сферы в другую. Это сферы Луны, Меркурия, Венеры, Солнца, Марса, Юпитера, Сатурна, неподвижных звезд и кристального неба Перводвигателя, сообщающего вращательное движение всем остальным сферам. Над Перводвигателем — неподвижный Эмпирей, обитель бога, ангелов и святых. Каждая небесная сфера вращается вместе с прикрепленной к ней планетой, и в каждой сфере пребывают души праведников. Чем добродетельнее был человек при жизни, тем выше он возносится после смерти. На Луне находятся праведники, нарушившие свой обет, на Меркурии — честолюбивые деятели, на Марсе — воители за веру, на Венере — души любвеобильных; на Солнце — мудрецов; на Юпитере — справедливых, на Сатурне — созерцателей, в звездном небе — души торжествующих. Души не прикреплены к своей сфере, они свободно поднимаются в Эмпирей и созерцают там триединое божество, но для того, чтобы Данте своим смертным разумом постиг степень блаженства, дарованную им, они являются ему в той сфере,

которая соответствует этой степени. В первых двух сферах души еще сохранили человеческие очертания, дальше Данте видит только лучезарные огни, которые становятся все ярче и ярче, чем ближе они к Эмпирею. Там, в гигантской пламенеющей Розе, в центре которой — божество, они вновь обретают человеческий образ. По пути небесного странствия Данте беседует с блаженными душами и с Беатриче; их наставления, открывающие ему высшую истину, которую человеческий разум самостоятельно познать не может, подготавливают его к созерцанию божества. Перед девятым небом апостолы Петр, Яков и Иоанн проверяют, насколько глубоко Данте постиг богословские добродетели: веру, надежду и любовь. И лишь после этого Данте возносится в кристальное небо Перводвигателя — сферу ангелов. К созерцанию божества в Эмпирее поэт приводит не Беатриче — она покидает его и возвращается в пламенеющую Розу, — а мистик Бернард Клервоский, показывающий Данте всех, кто удостоился занять место в этом дивном цветке, в центре которого — бог. Мистическим видением Розы заканчивается поэма.

В философском отношении «Рай» — самая трудная часть «Комедии». Данте облек в поэтическую форму сложнейшие положения теологии. Такое слияние поэзии и религиозной философии было возможно только на определенной ступени развития человеческого сознания, когда религия обнимала все сферы мышления и человеческой деятельности. В средневековой христианской Европе это была первая в своем роде попытка. В то время как в античных мифах, «Энеиде» и старых христианских видениях рай представлялся более или менее конкретно и материально, дантовский рай — это по существу царство философии, абстрактных понятий.

Лицемерие божества — это для Данте познание абсолютной истины и высшего блага. Эти два понятия для него слиты и составляют единый закон, управляющий мирозданием. Приобщение человеческой души к этому закону создает полную гармонию между человеком и божеством и человеком и миром. Сквозь религиозную оболочку видно беспокойное стремление познать истину, но разорвать эту оболочку мысль Данте еще не в силах. К постижению истины он идет разными путями. То пытается рационалистически объяснить мироздание и его физические и нравственные законы, то прибегает к интуиции мистиков, дополняя аристотелевский рационализм.

Исходя из теологии, Данте подчеркивает, что в раю физическое и нравственное неразделимы. Каждая сфера и планета — символ того или иного нравственного понятия. Движение сквозь сферы подчинено законам не естественным, а метафизическим, сверхъестественным, оно воспринимается не как перемещение в пространстве, а как нравственное совершенствование. В таком же плане объясняются некоторые естественные явления, в частности вопрос о земном притяжении, которое должно было бы помешать Данте подниматься сквозь легкие сферы. Данте приходит к предположению, что на небе оно перестает действовать, но объяснить, почему это происходит, он, конечно, не может. Поэтому Беатриче, которой он задает этот вопрос, предпочитает дать общий и несколько уклончивый ответ; в раю действуют иные законы, чем на земле, и чудо становится естественным; человек, освободившийся от грехов, легко поднимается к богу, даже если он сохранил свою телесную оболочку. Интересно Данте и происхождение лунных пятен. Когда-то в «Пире» он излагал предположение Аверроэса, объяснявшего это явление разной плотностью лунного шара.

Более плотные части шара, по мнению Аверроэса, лучше отражают солнечный свет. Эта гипотеза Аверроэса, хотя и ошибочная, имеет естественную основу. Однако теперь Данте отказывается от физического объяснения и вкладывает в уста Беатриче другое — мистическое, выдвигающееся неоплатониками, а вслед за ними Фомой Аквинским. Яркость света всех светил зависит не от их плотности, а от той «силы», которую им сообщают некие блаженные движители, управляющие небесными сферами. Ибо свет — это проявление божественной идеи. Чем «блаженнее» тело, тем ярче оно светится.

Далеко не на все вопросы Данте могла ответить теология, поэтому так настойчиво в этой наиболее философской части его поэмы звучит утверждение об ограниченности человеческого познания.

Абсолютной силой познания, совершенной мудростью обладают, по мнению Данте, только Христос и Адам, которых, как утверждало Священное писание, бог создал сам, относительной человеческой мудростью наделен был царь Соломон, мудрейший из людей, понимавший все земное. Люди неодинаково разумны, потому что их материальная оболочка в разной степени воспринимает отблеск божественной мысли. Но у всех людей, включая мудрейшего царя Соломона, пока их не озарит откровение, познание ограничено. Особенно трудно постичь им сущность божества, создание вселенной и природу ангелов. Данте и здесь следует за Фомой, возражающим против учения Аверроэса о вечности вселенной. Вечно только триединое божество, которое и совершило акт творения из небытия; только оно находится вне времени. Акт творения был мгновенным; сущность, материальная форма и их соединение возникли одновременно. (И тогда же, когда вселенная, были сотворены и ангелы, хотя кое-кто из отцов церкви утверждал, что

ангелы появились задолго до возникновения вселенной.) Вся эта идеалистическая диалектика завершается замечанием, что на земле много фантазируют на эту тему, а подлинной истины не знают.

Но и в раю не на все вопросы можно получить ответ. Это сомнение Данте в том, что человек даже в раю может познать абсолютную истину, не соответствует утверждению отцов церкви. Данте подходил здесь к философскому пониманию относительности человеческого познания, о которой говорил Аверроэс и его последователи. Но разрешить диалектически этот вопрос Данте, естественно, не мог, а жажда познания была в нем столь сильна, что он вернулся к тому, что предлагала ему религия — к откровению, озаряющему человека в момент экстаза.

Но собственных мне было мало крылий;
И тут в мой разум грянул блеск с высот,
Неся свершенье всех его усилий.

(П. 33, ст. 139—141.)

Познание божества (то есть абсолютной истины) в поэме происходит путем нравственного очищения, поэтому и в «Рае» вопросы морали играют важную роль. Больше всего Данте мучила нравственная проблема справедливости божьего суда и виновности людей. Вопросы, которые задает Данте, показывают беспокойство ищущего живого ума — его уже, по существу, стесняет догма. Но отойти от нее он не решается и в ней же ищет ответа. Поэтому вопросы — живые, ясные логичные, а ответы — схоластические, туманные, уклончивые.

Уже в первых двух частях поэмы Данте говорит о несправедливом осуждении добродетельных язычников,

умерших до рождения Христа. Теперь он развивает эту мысль: как относиться к инаковерующим современникам?

...«Родится человек
Над берегом Инда; о Христе ни слова
Он не слышал и не читал вовек;

Он был всегда, как ни судить сурово,
В делах и в мыслях к правде обращен,
Ни в жизни, ни в речах не делал злого.

И умер он без веры, не крещен.
И вот он проклят; но чего же ради?
Чем он виновен, что не верил он?»

(П. 19, ст. 70—78.)

Не одного Данте волновал этот вопрос; веротерпимость усиливалась в итальянском обществе, но так остро никто эту проблему не ставил. Сомнение поэта настолько серьезно, что прямого ответа не дается. Орел, которого Данте вопрошает, лишь напоминает ему, что человек не должен вмешиваться в решения божьего суда.

Но Данте интересуют не только отвлеченные нравственные вопросы, его все так же волнуют и политические проблемы.

В царстве «торжествующей теологии» он продолжает обличать церковь. Только теперь на нее нападают праведники, и каждый касается того аспекта ее деятельности, который он лучше знает. Св. Бенедикт, основатель самых старых монастырей в Италии, гневно обрушивается на новые монастыри.

«Те стены, где монастыри цвели,—
Теперь вертепы; превратились рясы
В дурной мукой набитые кули».

(П. 22, ст. 76—78.)

Доминиканец Фома в иносказательной форме замечает, что доминиканские монахи больше занимаются каноническим правом, чем божественной наукой, а глава францисканцев Бонавентура сетует на раскол внутри ордена. Гневно клеймит высшее духовенство Петр Дамианский, который сам под конец жизни был кардиналом, но уехал обратно к себе в монастырь. Вспоминая о том аскетическом образе жизни, который когда-то вели апостолы, он замечает:

«А нынешних святителей ведут
Под локотки, да спереди вожатый,—
Так тяжелы! — да сзади хвост несут.

И конь и всадник мантией объаты,—
Под той же шкурой целых два скота,
Терпенья божье, скоро ль час расплаты!»

(П. 21, ст. 130—135.)

Петр Дамианский (а вернее сказать, Данте) не ссещается в выражениях, даже рай не сделал его благостным! Но, пожалуй, резче всего обвиняет другой Петр, апостол, тех, кто заняли его престол и считаются наместниками бога на земле, то есть римских пап. От гнева он, светоч, загорается красным огнем, как планета Марс.

«Тот, кто, как вор, воссел на мой престол,
На мой престол, на мой престол, который
Пуст перед сыном божим, возвел

На кладбище моем сплошные горы
Кровавой грязи; сверженный с высот¹,
Любуясь этим, утешает взоры».

(П. 27, ст. 22—27.)

¹ Люцифер.

Речь идет о Бонифации VIII, но не только о нем. Изменившимся голосом Петр продолжает:

«Не мы хотели, чтобы христиан
Преемник наш пристрастною рукою
Делил на правый и на левый стан;

Ни чтоб ключи, полученные мною,
Могли гербом на ратном стяге стать,
Который на крещеных поднят к бою;

Ни чтобы образ мой скреплял печать
Для льготных грамот, покупных и лживых,
Меня краснеть неволя и пылать!

В одежде пастырей — волков грызливых
На всех лугах мы видим средь ягнят.
О божий суд, восстань на нечестивых!»

(П. 27, ст. 46—57.)

Папы виновны в том, что поддерживали гвельфов против гибеллинов (то есть делили христиан) и не препятствовали кровавым столкновениям, и в том, что давали за деньги льготные грамоты — и таким образом прелатами становились хищные, недостойные люди.

Но Данте и на этом не останавливается, его суда не могут избежать даже теологи и проповедники. Теологи «суесловят» и вкривь и вкось толкуют «слово божие».

«Для славы каждый что-то норовит
Измыслить, чтобы выдумка блеснула
С амвона, а Евангелье молчит».

(П. 29, ст. 94—96.)

Говоря об этих теологах, Данте намекает даже на таких знаменитых, как лже-Дионисий и сам Фома Аквинский — столп схоластики! Поэт никого не щадил, и

богословские хитросплетения, которые он не мог отвергнуть, очевидно, раздражали его даже в тех людях, к которым он относился с уважением. Вернуться к Евангелию — это, по его мнению, единственный правильный путь для проповедников, которые теперь стараются только рассмешить и позабавить прихожан.

В первой части поэмы Данте напал на церковников главным образом за жадность и стремление к светским благам; во второй части он в связи со своей теорией разделения светской и духовной власти показал в аллегорической форме общее перерождение церкви; в третьей части, уже не связывая непосредственно падение церкви со своим политическим идеалом светского государства, он обрушился на *всю* ее деятельность, и не только на ее практику, но и на «теорию». Все недовольство, вся оппозиция против церкви, накопившаяся у итальянских горожан в течение полутора веков, вылилась в страстную критику, проходящую через всю поэму Данте. Критику, уживающуюся с искренним и глубоким уважением, которое Данте испытывал ко многим религиозным деятелям. Католическая церковь нравственно пала, но это не значит, полагает Данте, что она в принципе порочна, ее можно и должно исправить. Дантовской критике церкви до антиклерикализма Боккаччо еще очень далеко (хотя «Декамерон» написан всего на каких-нибудь 30 лет позднее).

Развернулась церковь, но и светская власть развращена. Уже в «Чистилище» Данте иронизировал над современными королями и королями прошедших времен. В «Рае» его сарказм становится более гневным, и он бичует всех европейских властителей. В книгу вечной справедливости, говорит имперский орел, записываются все их позорные деяния. Немецкий император Альбрехт разорил Чехию, французский король Филипп Красивый

стал фальшивомонетчиком (по его приказу портили монету), и от этого страдает его народ, постоянно воюют английский и шотландский короли, которым «тесно в их границах». Не лучше и другие европейские венценосцы, мирящиеся со своим бесславием и топчущие честь прадедов. Идеал государства — в прошлом, это — Римская империя, которой воздаст хвалу душа императора Юстиниана, того, кто «в законах всякий устранил изъян». В «Рае» рассказывается о дальнейшей судьбе Римской империи, история которой уже излагалась в трактатах. Слава «священного стяга», поднимавшегося далеко за пределами полуострова, представляется Данте проявлением божьей воли; люди — лишь покорное орудие в руках провидения. В Римской империи Христос принял мученическую смерть, чтобы искупить грехи людей. Позднее, в средние века, император Карл Великий, наследник римских императоров, спас церковь от притеснений со стороны лангобардов. А теперь этот священный стяг гвельфы втоптывают в грязь ради своего союзника — французского королевского дома, а гибеллины используют его в своих корыстных частных интересах.

Идеальные правители — также в далеком прошлом. Среди них старейшим был Соломон, который правил людьми на земле, не пытаясь проникнуть в иную сферу. Данте твердо считает, что каждый должен заниматься тем, что ему положено: никакого смешения светского и духовного правления не должно быть. Считал ли Данте, что и в настоящем возможны истинные правители? На этот вопрос в «Рае» дается утвердительный ответ. Данте даже называет двух королей, которые могли бы многое сделать на земле, если бы им не помешали внешние обстоятельства. Это — Карл Мартелл и Генрих VII. Карл Мартелл рано умер («будь мой век продлен, то многих

бы грядущих зол не стало»). А Генриху, которого Данте возносит в пламенеющую Розу, помешали забывшие свой долг итальянцы.

Прославлением Генриха заканчивается тема империи. Генриха отвергли некоторые города и, в первую очередь, флорентийская республика, те самые богатые купцы, которых Данте так хорошо помнил. И Данте кажется, что именно их алчность и узкие корыстолюбивые интересы преградили путь Генриху.

Жадность Данте обличали в первой части поэмы, и во второй, но там обличение было конкретное (особенно в «Аде»), оно было связано с определенными людьми, здесь памфлетность исчезла, уступив место общим рассуждениям, представляющим собой жизненный итог. И лишь неясная надежда, которой утешали своих слушателей средневековые пророки, несколько смягчает эту горечь.

«Но раньше, чем январь возьмет весна
Посредством сотой, вами небреженной,
Так хлынет светом горяя страна,

Что вихрь, уже давно предвозвещенный,
Носы туда, где кормы, повернет,
Помчав суда дорогой неуклонной;

И за цветком поспеет добрый плод».

(П. 27, ст. 142—148.)

Буквальный смысл первой строки связан с Юлианским календарем, который действовал до 1582 года. Год Юлианского календаря был длиннее солнечного года примерно на одну сотую дня и отставал от него каждые 128 лет на один день, так что январь постепенно приближался к весне. В переносном же смысле это означает, что недалек тот час, когда сильное потрясение, ниспо-

сланное провидением, перевернет жизнь и люди перестанут быть нравственными уродами.

Третья часть поэмы кажется наиболее традиционной, но и в ней личное мироощущение проявляется не менее сильно, чем в первых двух частях.

Прежде всего, несмотря на то что Данте в своих теологических рассуждениях следует отцам церкви, его религия — личная.

Его божество прежде всего воплощает справедливость, мощь, а не милосердие. И хотя о божественной любви говорится много, Данте довольно абстрактно. Любовь же к людям у Данте, в общем, другая, чем требовало христианство; это любовь, обращенная не к «нищим духом», а к «сильным духом». Божество в человеческом облике в раю не фигурирует. Для Данте божество — абстрактный принцип, движущий вселенной и воплощающий высшую истину и благо. И если божество — это принцип, который полностью никем не познан, и правосудие божие неисповедимо, то суждения theologов (даже причисленных к лику святых) могут быть ошибочными. Исходя из этого, Данте возносит на небеса двух еретиков — Сигера Брабантского и Иоахима Флорского и заставляет их злейших врагов — Фому Аквинского и Бонавентуру воздавать им хвалу. Сигер Брабантский, обвиненный в аверроизме и представлявший, так сказать, «ученую ересь», вероятно, привлекал Данте своим светлым философским умом. Иоахим Флорский, связанный с народными ересями, был ему близок своими пророчествами о всеобщем нравственном обновлении. Во всяком случае, то, что оба эти деятеля попали в рай, свидетельствует и о свободомыслии Данте, и о том, что он не был чужд различным идейным течениям, шедшим вразрез с официальной идеологией.

И по-прежнему Данте не отворачивается от античной

культуры. Свою самую теологическую из трех кантик (так называются части поэмы) он начинает с обращения к античному богу поэзии — Аполлону.

О Аполлон, последний труд свершая,
Да буду я твоих исполнен сил,
Как ты велишь, любимый лавр вверяя.

Войди мне в грудь и вей, чтоб песнь звенела,
Как в день, когда ты Марсия извлек
И выбросил из оболочки тела.

(П. 1, ст. 13—15; 19—21.)

Конечно, Аполлон здесь только символ поэтического вдохновения, но появление этого символа на страницах христианско-католической поэмы предсказывает, что в недалеком будущем античные мифы прочно войдут в итальянскую поэзию.

Увлечение Древним Римом настолько сильно, что в речи Юстиниана Данте проводит мысль, противоречащую Священному писанию: избранный богом народ не древние евреи, а римляне (даже до своего крещения). Внутренне Данте никак не мог примириться с осуждением праведных язычников, поэтому он и здесь не удержался: кроме императора Траяна, о котором существовала легенда, будто папа Григорий Великий так долго молился за его душу, что бог разрешил императору подняться на небо, Данте вознес и праведного героя поэмы Вергилия — троянца Рифея.

Но основное, что не дает нам забыть о личности Данте, это его постоянный интерес и любовь к земле. Души праведников, несмотря на блаженство, которое они испытывают, помнят о земле и ее невзгодах. И в беседах с ними Данте касается не только чистой теологии, но и политики, науки, человеческих отношений. Маленький

жалкий шар, на который Данте смотрит сверху, фактически остается в центре поэмы. И хотя поэт и уговаривает себя, что чем меньше думать об этом шаре, тем лучше, но сделать он этого не может. Даже на небо он переносит свои отношения с людьми, жившими когда-то на земле. В раю должны умереть все страсти и все привязанности, так как блаженные души целиком поглощены созерцанием божества. И тем не менее при встрече с Карлом Мартеллом, которого Данте когда-то знал, поэт испытывает радостное чувство. «Ты дал мне радость», — говорит он Карлу. А Карл вспоминает: «Меня любил ты, с нежностью не тщетной».

И радость, и гнев, и горечь не исчезли в раю. С чувством гордости встречает поэта предок его Каччагвида и рассказывает своему потомку о его прадедах.

Этому эпизоду посвящены пятнадцатая, шестнадцатая и семнадцатая песни, в них излагается хроника Флоренции, отчетливо выражено политическое мировоззрение поэта, рассказано с наибольшей полнотой о его личной судьбе и особо подчеркнута значимость его миссии. Общественный идеал и реальная действительность естественно связаны между собой, и также естественно Данте-человек становится пророком. Внутреннее равновесие между осознавшей себя личностью и миром, к которому она принадлежит, здесь почти идеальное. Каччагвида рассказывает своему потомку о происхождении их рода и о своей собственной судьбе, но история его все время прерывается рассказом о Флоренции. Совершенно ясно, что в сознании Данте история его рода и история Флоренции неразделимы.

Как идеальная монархия — Римская империя — лежит в прошлом, так в прошлом лежит идеальная коммуна — Флоренция старых времен, мирная, «скромная и смиренная».

В этой старой патриархальной Флоренции и жили прадеды Данте, которых он так высоко чтит.

Данте идеализирует патриархальную Флоренцию, подобная идеализация была свойственна многим коренным флорентийцам, особенно тем из них, кто страдал от расслоения внутри цехов, кого оттесняли новые богачи, вынырнувшие неизвестно откуда, и феодалы, стремившиеся к политической власти. Именно они, по мнению Данте, виновны были в городских распрях.

«Смешение людей в едином лоне
Бывало городам всего вредней,
Как от излишней пищи плоть в уроне».

(П. 16, ст. 67—69.)

Было бы ошибочно считать на основании этой терцины, что здесь говорит голос старого дворянства. Сам Данте в начале этой песни порицает «скудную вельможность крови», а дальше замечает, что во времена Каччагвиды «кровь была чиста в любом простолюдине». Поэт гордится не дворянским происхождением (кроме Каччагвиды, рыцарей в его роду не было), а тем, что он — коренной горожанин Флоренции. Среди пришельцев, смешавшихся в городе, Данте называет не только купцов и менял, но юристов, судей и знатных окрестных дворян.

Из рассказа Каччагвиды вырисовывается общественный идеал Данте: патриархальный город, где все горожане живут скромно и не знают кровавых распрей и борьбы за власть. Если реальная Флоренция, по мнению Данте, заселена грешниками, будущими обитателями ада, то идеальная Флоренция без страстей и без борьбы могла быть изображена только в «Рае».

В семнадцатой песне кульминация эпизода: Данте просит Каччагвиду предсказать ему его судьбу. Уже не раз на протяжении поэмы появлялись «предсказания».

но такого пространного и ясного еще не было. В этом «пророчестве» — вся трагедия Данте.

«Как покидал Афины Ипполит,
Злой мачехой гонимый в гневе яром,
Так и тебе Флоренция велит.

Того хотят, о том хлопочут с жаром
И нужного достигнут без труда
Там, где Христос вседневным стал товаром.

Вину молва возложит, как всегда,
На тех, кто пострадал; но злодеянья
Изобличатся правдой в час суда.

Ты бросишь все, к чему твои желанья
Стремились нежно; эту язву нам
Всего быстрее наносит лук изгнанья.

Ты будешь знать, как горестен устам
Чужой ломоть, как трудно на чужбине
Сходить и восходить по ступеням».

(П. 17, ст. 46—60.)

Вся горечь, испытанная Данте в изгнании, выразилась в последней терцине. Трудно гордому человеку жить из милости на чужбине. К тому же он еще скоро узнал и чувство одиночества. Между ним и другими изгнанниками внутренняя связь порвалась.

«Но худшим гнетом для тебя отныне
Общенье будет глупых и дурных,
Поверженных с тобою в той долине.

Безумство, злость, неблагодарность их
Ты сам познаешь; но виски при этом
Не у тебя зардеют, а у них.

Об их скотстве объявят перед светом
Поступки их; и будет честь тебе,
Что ты остался сам себе клеветом».

(П. 17, ст. 61—69.)

Данте отошел от белых и от гибеллинов, но нелегко было ему, человеку коммуны, переносить одиночество. Хотя из «пророчества» Каччагвиды мы и узнаем, что Данте найдет пристанище при дворе князей делла Скала и что младший из них, Кан Гранде, окажет ему покровительство и будет относиться с должным уважением, горечь не проходит. Она слышна в ответе Данте:

«Я вижу, мой отец, как на меня
Несется время, чтоб я в прах свалился...»

(П. 17, ст. 106—107.)

Но на помощь человеку, испытавшему удары судьбы и чувство одиночества (впервые прозвучавшее в поэзии Данте), приходит убежденность в том, что в мире наступят важные перемены и он будет отмщен. Каччагвида таинственно предвещает, что благодаря Кан Гранде:

«...судьба преобразится
Для многих богачей и бедняков».

(П. 17, ст. 89—90.)

После смерти Генриха VII Данте возложил свои надежды на Кан Гранде, видя в нем идеального государя. В связи с этим неясным предсказанием в эпизоде возникает заключительный мотив великой миссии Данте как поэта, который должен своим рассказом о загробном мире исправить людей. Данте-человек опасается, что его поэма может еще больше повредить ему, так как многим неприятно будет ее читать. Но если он отойдет от правды, его имя забудут потомки. Его колебаниям кладет конец Каччагвида, напоминающий поэту о его долге.

«Пусть речь твоя покажется дурна
На первый вкус и ляжет горьким гнетом,—
Усвоясь, жизнь оздоровит она.»

Твой крик пройдет, как ветер по высотам,
Клоня сильней большие дерева;
И это будет для тебя почетом».

(П. 17, ст. 130—135.)

Поэт-пророк побеждает в душе Данте человека, подверженного, как и все люди, земным слабостям. И в этом — вся высота его нравственного духа.

Но поэма не только «предостерегающий крик», не только «глагол, жгущий сердца людей». Это последняя надежда Данте вернуться на родину:

Коль в некий день поэмою священной,
Отмеченной и небом и землей,
Так, что я долго чах, в трудах согбенный,

Смирится гнев, пресекший доступ мой
К родной овчарне, где я спал ягненком,
Немил волкам, смутившим в ней покой,—

В ином руне, в ином величье звонком
Вернусь, поэт, и осенюсь венцом
Там, где крещение принимал ребенком...

(П. 25, ст. 1—9.)

Тема Флоренции закончена. Хотя Данте и обрушивал на Флоренцию язвительные стрелы своего негодования, он до самого последнего часа мечтал туда вернуться знаменитым, чтобы его сограждане признали его поэтическую славу. Но при жизни его мечта не сбылась, и только после смерти флорентийцы действительно увенчали его.

В «Рае» снимаются противоречия между человеком и этическим законом и устанавливается полная гармония. Поэтому изобразить рай было труднее всего. Продол-

жать старую традицию видений, где рай представлялся садом, цветущим лугом, хрустальным городом и где бог, ангелы и души праведников походили на баронов, рыцарей и монахов, было невозможно. Ведь дантовский рай — царство «чистого духа», «освобожденного от плоти». Как сделать царство духа, то есть абстракции — видимым? Задача труднейшая, почти невыполнимая. Данте понимал всю ее сложность. Прося извинения у читателей за то, что его «повесть скачет иногда», он объясняет:

Но столь велики тягости труда
И так для смертных плеч тяжка натуга,
Что им подчас и дрогнуть — нет стыда.

(П. 23, ст. 64—66.)

И все же Данте находит форму для выражения абстрактной философской сущности своегорая. Это — сочетание света и музыки. Данте совершенно отказался от всякого подобия земного пейзажа, небесный рай представляется ему пространством, где движутся ярко горящие звезды и планеты.

Я видел — солнцем загорелись дали
Так мощно, что ни ливень, ни поток
Таких озер вовек не расстилали.

(П. 1, ст. 79—81.)

Своеобразие дантовского небесного мира в том, что здесь происходит слияние (синтез) высшего разума, добра и красоты, человека и природы. Звезды дантовскогорая — это и небесные светила, и души людей, которые обретут свои тела только после Страшного суда. Данте видит сначала издали «кружение светил», поющих осанну. Затем, когда он поднимается выше, другие огни огибают его и Беатриче.

Я был средь блесков мощных и живых,
Обвивших нас венцом, и песнь их слаще
Еще была, чем светел облик их...

(П. 10, ст. 64—66.)

Пение и музыка звучали и в старых видениях, но там они только услаждали слух, здесь же музыка — неотъемлемое свойство небесных сфер (абстрактное божество проявляет себя в наиболее отвлеченном из искусств).

Огни, в которых заключены души, свободно соединяются, образуя то гигантский сверкающий крест, то фигуру небесного орла, то лестницу, ведущую в Эмпирей.

С помощью исключительно световых образов Данте показывает Христа, архангела Гавриила и деву Марию. Мария возникает как яркая звезда, а архангел как огневой светоч, обвивающийся венком вокруг нее. И опять звучит небесная музыка, несравнимая с земной. И, наконец, символ божества — Точка — тоже ощущается как свет необычайной силы.

Увидел Точку, лившую такой
Острейший свет, что вынести нет мочи
Глазам, ожженным этой остротой.

(П. 28, ст. 16—18.)

Свет, свет, свет — в конце концов, при всем разнообразии его оттенков, он становится монотонным. Данте это чувствует, и поэтому в свой лучший световой образ — лучезарную реку — он вносит сложное сравнение, основанное на переосмыслении картины земного пейзажа.

И свет предстал мне в образе потока,
Струистый блеск, волшебною весной
Вдоль берегов расцветенный широко.

Живые искры, взвившись над рекой,
Садились на цветы, кругом порхая,
Как яхонты в оправе золотой;

И, словно хмель в их запахе впивая,
Вновь погружались в глубь чудесных вод;
И чуть одна нырнет, взлетит другая.

(П. 30, ст. 61—69.)

Световая река превращается в цветущий луг, а искры напоминают фантастических пчел, порхающих над цветами. Световые образы исчерпаны. Пламенеющая Роза уже не только горит, но и обладает формой. В гигантском круге, в центре которого возвышается божество, расположены ряды, где восседают праведники. Сверкающая Роза становится похожей на огромный амфитеатр, и уже не бесформенные огни заключены в ней, а прекрасные человеческие лица, «достойные любви» и «украшенные улыбкой». Человеческие лица появляются и у ангелов, и только триединое божество предстает как три равновеликих круга разного цвета. Придать человеческий облик божеству Данте не мог в силу абстрактности своей религиозной концепции.

Пока души появляются как хоровод светил или причудливые созвездия, они кажутся естественными телами, создающими несколько измененную поэтическим воображением картину небесного свода. В «Рае», где существа фантастические почти не появляются и ничем не отличаются от человеческих фигур, выдержан поэтому очень ровный колорит, есть только два образа гротескных. Когда в аду с поэтом беседует Улисс, заключенный в пламя, то это нас не поражает; в аду все деформировано и искажено, и любой самый фантастический гротеск там на месте. Но когда Петр Дамианский в образе огня начинает от радости вращаться, как жернов, а

этот огненный жернов затем произносит обличительную речь, или когда светоч, одевший душу апостола Петра, краснеет, как разгневанный старик, то это производит неожиданное и полукомическое впечатление. Слишком резкий получается скачок. Но этот скачок придает обеим фигурам жизнь, помогает им обрести человеческие черты.

А именно люди с их интересами вносят в содержание «Рая» разнообразие и согревают его, без них в «Рае» остались бы лучезарные светила, однообразные и холодные. Конечно, говорить об индивидуальности образов здесь трудно. В «Рае» все неподвижно, все обрели покой, приобщились к единому закону, утратив страсти и желания. И только когда души вспоминают землю, они как будто оживают. Когда же они рассуждают на богословские темы, они остаются в поэтическом отношении мертвыми и неподвижными. Совсем иначе, чем схоластические рассуждения, звучат политические инвективы Петра Дамианского, Бенедикта, апостола Петра. Их речь исполнена гневной иронии, сарказма, и потому они сами представляются живыми людьми, хотя интонация у них одна и та же — интонация самого поэта.

Резко меняется художественная манера Данте в главах, посвященных Флоренции. Свет, музыка уступают место конкретному, предельно наглядному изображению, драматические монологи — спокойному, неторопливому описанию.

Рассказывая о нравах старой Флоренции, Каччагвида останавливается на таких бытовых деталях, что вся картина флорентийской жизни становится совершенно отчетливой.

«На Беллинчоне Берти пояс был
Ременный, с костью; с зеркалом прощалась
Его жена, не наведя белил.

На Нерли и на Веккьо красовалась
Простая кожа, без затей гола;
Рука их жен кудели не гнушалась.

Счастливицы! Всех верная ждала
Гробница, ни единая на ложе
Для Франции забыта не была.

Одна над люлькой вторила все то же
На языке, который молодым
Отцам и матерям всего дороже.

Другая, пряжу прядучи, родным
И домочадцам речь вела часами
Про славу Трои, Фьезоле и Рим».

(П. 15, ст. 112—126.)

Эта картина согрета той внутренней любовью, которой не хватает сверкающему и грандиозному раю.

Лишь три человека действительно «живут» в «Рае»: св. Бернард, Беатриче и сам Данте. Бернард и Беатриче ведут Данте и показывают ему небо, Данте созерцает небесные сферы и переживает увиденное. Св. Бернард появляется в самом конце, как символ мистического созерцания, когда уже божественная наука не нужна. Из всех святых, изображенных в «Рае», он один обладает человеческим ликом и характером. Быть может, он был ближе Данте, потому что был не только религиозным деятелем, но и поэтом, воспевающим деву Марию. Дантовский персонаж мало имеет общего с реальным Бернардом — жестоким фанатиком, преследовавшим философа-рационалиста Абеяра, — это только поэтическое представление о нем.

Мне встретилось не то, что я искал;
И некий старец в ризе белоснежной
На месте Беатриче мне предстал.

Дышали доброю безмятежной
Взор и лицо, и он так ласков был,
Как только может быть родитель нежный.

(П. 31, ст. 58—63.)

Образ доброго старца, единственного, после Вергилия, кого Данте сравнивает с отцом, навеян воспоминаниями о славе Бернарда, мистика-отшельника. Бернард о земле не вспоминает, он, как мы уже упоминали, живет в настоящем: никаких теологических объяснений он Данте не дает (мистику это не подобало), а просто показывает ему тех, кто сидит в Розе. Он появляется на сцене, когда действие уже идет к концу, и завершает свой выход гимном к деве Марии. (Гимн этот основан на мотивах латинских религиозных гимнов.)

Образ Беатриче в «Рае» становится центральным. Когда она символизирует божественную мудрость и, по выражению одного из критиков, «надев богословскую шапочку», рассуждает, как ученый-схоласт, ее поэтическое очарование исчезает. Но когда смолкают уста богословской мудрости, вырисовывается облик женщины. Мы помним смиренную Беатриче из «Новой жизни», жалостливую Беатриче из второй песни «Ада» и грозную Беатриче «Чистилища». Ни смирение, ни жалость ни гнев ей теперь не свойственны. Она спокойная, величавая жительница рая, царства возвышенной философии. Недаром Данте сравнивает ее с орлицей:

Вонзилась в солнце Беатриче взором;
Так не почнет орлий взгляд на нем.

(П. 1, ст. 47—48.)

Описания внешности Беатриче нет, мы знаем только, что красота ее все светлеет, чем выше сфера, куда она поднимается вместе с Данте. Этой отвлеченной и потому неживой красоте сообщают жизнь душевные движения.

Такая радость в ней зажглась, едва
Тот светоч нас объял, что озарилась
Сама планета светом торжества.

(П. 5, ст. 94—96.)

Когда-то в «Новой жизни» Данте писал о воздействии, которое оказывает Беатриче на земных людей, теперь вместо людей радуется небесная планета Меркурий. Но один человек, на которого Беатриче все так же сильно влияет, остался: это сам Данте, герой поэмы. Беатриче заменила ему Вергилия, и, как некогда Вергилий, она заботится о нем, отвечает на все его недоуменные вопросы, подбадривает, когда он не решается обратиться к кому-нибудь из праведных обитателей рая. В ее отношении к Данте есть что-то материнское; когда Данте подавляет блеск и величие рая, она успокаивает его.

Объят смятеньем, я направил взоры
К моей вожатой, как малыш спешит
Всегда туда, где верной ждет опоры;

Она, как мать, чей голос так звучит,
Что мальчик, побледневший от волненья,
Опять веселый обретает вид..

(П. 22, ст. 1—6.)

Как наставница, уверенная в своем ученике, она предлагает апостолам проэкзаменовать поэта и ликует, когда его ответы оказываются правильными. И лишь один раз нам кажется, что на ее лице отразилось то чувство, о котором некогда не смел и мечтать молодой Данте. Узнав от Каччагвиды, какая участь его ждет, Данте грустно задумался. И тогда — на мгновение — появилась другая Беатриче:

И женщина, что ввысь меня вела,
Сказала: «Думай о другом; не я ли
Вблизи того, кто оградит от зла?»

Я взгляд возвел к той, чьи уста звучали
Так ласково: как нежен был в тот миг
Священный взор,— молчат мои скрижали.

(П. 18, ст. 4—9.)

Конечно, в «Рае» о земной любви не может быть и речи. Но в этих терцинах промелькнул далекий отблеск полумистической, почувственной любви «стильновистов». А как Данте относится к небесной Беатриче? Данте — творец «Комедии» — превратил ее в символ теологии, но Данте — герой поэмы — часто об этом забывает. Чем выше, тем прекраснее Беатриче и тем сильнее влюбленность поэта. Вначале он просто смотрит в глаза «милрой спутницы». На мгновение, признается он, он даже забывает о ней. Но затем Беатриче все больше и больше поглощает его, и даже сама она вынуждена напоминать ему, что в раю не только она достойна любви.

«Зачем ты так в мое лицо влюблен,
Что красотою сада неземного,
В лучах Христа расцветшей, не прельщен?»

(П. 23, ст. 70—72.)

Кажется, что влюбленность Данте достигает своего апогея, когда он приближается к небесной Розе. На мгновение погас яркий свет Точки.

Тогда любовь, как только он погас,
Вновь к Беатриче взор мой обратила.

Когда б весь прежний мой о ней рассказ
Одна хвала, включив, запечатлела,
Ее бы мало было в этот раз.

Я красоту увидел, вне предела
Не только смертных; лишь ее творец.
Я думаю, постиг ее всецело.

С тех пор как я впервые увидел
Ее лицо здесь, на земле, всечасно
За ней я в песнях следом попевал;

Но ныне я старался бы напрасно
Достигнуть пеньем до ее красот,
Как тот, чье мастерство уже не властно.

(П. 30, ст. 14—21; 28—33.)

В этих терцинах встречаются земная и небесная Беатриче, и прославление Беатриче, начатое когда-то в «Новой жизни», достигает высшей точки. И все же, хотя Данте все время говорит о влюбленности и любви, иногда эта небесная любовь при всем ее величии кажется холодной; несмотря на все усилия поэта, райский блеск мертвит ее. Вспомним, как грустно Данте расстался с Вергилием, а с Беатриче, вернувшейся в пламенную Розу, он прощается торжественно и официально.

Триумфом Беатриче, вознесенной в небесную Розу, заканчивается история юношеской любви Данте, приобретавшей все более абстрактный философский смысл. Страдания неразделенной любви сменились мистическим преклонением перед праведной душой, любовью, означающей стремление к нравственному обновлению, и, наконец, любовью, которая сливается с жаждой познать высшую истину, то, что скрыто от человеческого взора.

Но какой бы смысл Данте ни вкладывал в то, что он называет любовью, образ Беатриче, то более четкий и выразительный, то расплывчатый и абстрактный, остается в памяти поколений. Неизвестная флорентийка, вдохновившая воображение поэта, превратилась в символ чистой и высокой любви. В этом не философское, а поэтическое значение Беатриче.

Образ самого Данте, героя поэмы, как мы помним, тоже имеет двойное толкование: он одновременно и Че-

довек вообще, и изгнанный флорентийский поэт Данте Алигьери. Поднимающийся в небо, вопреки религиозным представлениям (на небо, по религиозной догме, поднимались только души умерших), поэт Данте Алигьери это и эпический герой — Человек, преодолевающий нравственные преграды и приобретающий нечеловеческую силу.

...к светилу
Не по-людски глаза мои взнеслись,—

(П. 1, ст. 53—54.)

говорит Данте и продолжает:

Я стал таким, в ее¹ теряясь взоре,
Как Главк², когда вкушенная трава
Его к бессмертным приобщила в море.

(П. 1, ст. 67—69.)

По замыслу Данте, человек этот должен достичь цели: познать еще при жизни Истину. Но он остается поэтом Данте Алигьери, с его тяжелой судьбой и резко очерченным характером. И если теологическое значение образа Беатриче выступает иногда на передний план, то Данте мы никогда не воспринимаем только как аллегорическую фигуру некоего отвлеченного Человека. В нашем сознании он неразрывно слит с обликом Данте Алигьери. Характер Данте, главного персонажа «Комедии», в основном уже обрисован в первых двух частях поэмы. В «Рае» кладутся только дополнительные штрихи. Из пророчества Каччагвиды видно, как жестоко уязвлена была гордость Данте, вынужденного скитаться вдали от родины, и как твердо он был уверен в своей правоте. Чувство собственного достоинства, столь свой-

¹ Беатриче.

² Мифический греческий рыбак, вкусивший волшебную траву и превратившийся в морского бога.

ственное ему, не покинуло его и в раю. Скромно и почитательно, как ученик, спрашивает он обитателей рая о том, что ему непонятно, но ни слепого преклонения перед авторитетами, ни самоуничижения нигде не чувствуется. И они беседуют с ним, как с равным. Спокойно ждет он вопросов экзаменующего его апостола Петра, как бакалавр, который перед ответом старается собраться с мыслями. Человек стремится к высшей истине и преодолевает преграды с помощью теологии. Но для Данте Алигьери странствие по небесным сферам — это не только история приобщения человеческого разума к божеству через теологическую науку и откровение; это еще его личное приобщение к миру высшей истины. А для нас это странствие — создание поэтического гения, чей фантастический мир не только не подавил человеческую личность, а подчеркнул ее нравственную силу, ее неудержимое стремление к познанию. Значение этой части поэмы не в провозглашении истины, которой Данте, конечно, не открыл, а в страстном порыве к ней.

В последней, тридцать третьей песне «Рая» Данте лицезрит божество. Видение божественной сущности (то есть абсолютной истины), по католическим законам, запрещено живым людям. Это было поводом для Данте не открывать того, что он будто бы видел, а только передать свои чувства. И этот лирический отрывок в художественном отношении превосходит всю песню.

Мои глаза, с которых спал налет,
Все глубже и все глубже уходили
В высокий свет, который правда льет.

И здесь мои прозренья упредили
Глагол людей; здесь отступает он,
А памяти не снести таких обилий.

Как человек, который видит сон
И после сна хранит его волненье,
А остального самый след сметет,

Таков и я: во мне мое виденье
Чуть теплится, но нега все жива
И сердцу источает наслажденье;

Так топит снег лучами синева,
Так легкий ветер, листья взвив гурьбою,
Рассеивал Сибиллины слова.

О Вышний Свет, над мыслию земною
Столь вознесенный, памяти моей
Верни хоть малость виденного мною

И даруй мне такую мощь речей,
Чтобы хоть искру славы заповедной
Я сохранил для будущих людей!

(П. 33, ст. 52—72.)

В этом отрывке суть всего поэтического творчества Данте, сложного, очень личного и в то же время открытого миру. Тем, что он познал в годы скитаний и что вдохновило его воображение, он хочет поделиться с людьми. И не только с современниками. В последнем стихе звучит предвиденье бессмертной жизни поэмы. Лирическим порывом к познанию высшей истины, которую поэт стремится принести людям, заканчивается последняя часть «Комедии». Данте мало было знать землю и людей, он хотел проникнуть во вселенную, и крылья поэтической фантазии подняли его ввысь. Если богословские рассуждения придадут этой части поэмы средневековую неподвижность, то поэтическая сила воображения, воплотившего абстрактные идеи и понятия в форму пространства с горящими светилами, куда не боялся вступить человек, выносит ее автора далеко за пределы средних веков.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Данте — фигура многогранная. Сын своего века, он пытался разрешить все философские, политические и социальные проблемы, волновавшие его современников.

В средневековом споре между империей и церковью он принял сторону империи; как истый горожанин, он отдал предпочтение светской власти. Но он пошел дальше, чем политические деятели его времени, и заговорил о национальном единстве итальянцев.

Очень болезненно воспринимая социальное расслоение горожан и вызванную этим внутригородскую борьбу, он стремился к единству и восстановлению среди горожан общности, которая уже была невозможна. Он пытался утвердить эту моральную общность в своих произведениях начиная с «Новой жизни», где еще царит гармония между человеком и миром, и кончая «Комедией», в последней части которой она вновь восстанавливается. Это стремление к общности, к духовному обновлению человечества, выразившееся в сложной этике Данте, подготовлено всем предшествующим развитием средневековой городской культуры.

Поэзия Данте вобрала в себя все лучшее, что было создано до него в средневековой и отчасти древнерим-

ской литературе. И, однако, Данте ушел далеко вперед от своих предшественников. Вергилий принадлежит другой цивилизации, а средневековые поэты только в лирической поэзии оставили произведения, которые можно связывать с юношеской лирикой Данте. Проза «Новой жизни» и, особенно, «Комедия» не соизмеримы ни с одним из произведений средневековой литературы.

Но зато, говоря о фантастическом мироздании, созданном Данте в «Комедии», часто вспоминают о величии готических соборов. И как в недрах готики пробуждалось новое искусство, так в дантовской поэзии проявлялось новое видение мира, подготавливающее Возрождение. Поэты Возрождения отличаются от Данте тем, что внеличная сила не играет никакой роли в их мироздании, и тем, что индивидуальность человека ничем не связана. Начиная с Боккаччо, писатели оправдывают чувственное наслаждение жизнью и утверждают полную внутреннюю свободу личности. Девиз Рабле: «делай, что хочешь!» — прекрасно выражает этику, которая предполагает естественное доверие к человеку. Такое доверие звучит и в поэме Ариосто «Неистовый Роланд», и в комедиях молодого Шекспира.

Данте не знает гедонизма Возрождения, его снисходительности и полного доверия к человеку. Стремление к общности и утверждение единого нравственного закона, основанного не только на религиозной морали, но и на этике горожан, естественно сочетается у Данте с понятием о долге, которое в общем чуждо литературным героям Возрождения периода его расцвета.

Но суровая, а иногда и жесткая дантовская мораль смягчается в «Комедии» личным отношением поэта к людям. Видеть в толпе лица, понимать, что каждый человек — это индивид, к какой бы категории «грешников» он ни относился, значит, по сути дела, приблизиться к

принципам новой этики, этики Возрождения. И хотя умозрительный центр дантовского мироздания — провидение, огненная Точка, поэтический центр его — Человек. Человек — деятельный, умеющий мыслить и чувствовать, жадно стремящийся к познанию.

Интерес к человеку и ко всему человеческому связан у Данте с любовью к античности (которая станет опорой новой ренессансной культуры) и с его увлечением искусством и поэзией. Никто из его предшественников не придавал поэзии такого значения и никто со времен классической древности не возлагал столько надежд на бессмертие своего творения.

Предвидение Данте сбылось. «Комедия» осталась в веках. Но ей, как и ее создателю, была уготована нелегкая судьба. В XIV веке поэма пользовалась громкой славой, ее читали, знали наизусть, комментировали. В народе слагались легенды о поэте, ее сочинившем. И кардинал дель Поджетто, который требовал, чтобы еретическую «Комедию» и останки ее творца сожгли, вынужден был отступить. Прошли XV, XVI столетия, поэму миновала другая опасность: включение в индекс запрещенных церковью книг. Но надвинулась угроза еще более страшная: забвение. О Данте стали вспоминать все реже и реже. В середине XVI века Италия утратила свою независимость, и в XVII—XVIII столетиях итальянцы перестали воспринимать суровую гражданственность дантовской поэмы, забыли о своих славных предках. Другим же народам, в странах, где царили эстетические каноны классицизма, эта поэма казалась «варварской» и была недоступной.

Но на грани XVIII и XIX веков наступил перелом. После Французской революции в Европе пробудился интерес к национальной жизни народов и к поэзии их далекого прошлого. И «Комедия» Данте ожила. Ожила

не только в Италии, где имя ее творца сплеталось с призывами к освобождению и объединению страны. Данте узнали и в других странах. В России Пушкин, Герцен, Блок обращались к «Комедии» и когда вникали в смысл «бытия земного», и когда ужасались уродству современной жизни, и когда искали в прошлом истинную поэзию.

Нам, современным читателям, строгая и мужественная поэма Данте напоминает о высоком достоинстве человека, и мы чтим ее автора, сказавшего когда-то, что люди «созданы не для животной доли, но к доблести и к знанию рождены».

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Данте Алигьери. Портрет неизвестного художника XIV века.
Флоренция. Старинная миниатюра.

Титульный лист «Божественной комедии» издания 1564 г.

Сандро Боттичелли, «Ад», песнь тридцать третья.

Сандро Боттичелли, «Чистилище», песнь вторая.

Сандро Боттичелли, Данте и Беатриче в раю.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Введение</i>	5
<i>Глава 1</i>	10
<i>Глава 2</i>	31
<i>Глава 3</i>	48
<i>Глава 4</i>	57
<i>Глава 5</i>	70
<i>Глава 6</i>	81
<i>Глава 7</i>	99
<i>Глава 8</i>	139
<i>Глава 9</i>	165
<i>Заключение</i>	195
<i>Список иллюстраций</i>	199

Е л и н а Нина Генриховна

Д А Н Т Е

Редактор *Л. Птушкина*. Художественный редактор *Г. Андропова*.
Технический редактор *С. Кочеткова*. Корректор *Е. Патина*.

Сдано в набор 30/VII—1965 г. Подписано в печать 2/X—1965 г. А05202
Бумага 70×108¹/₃₂—6,25 печ. л. 8,75 усл. печ. л. 8,18 уч.-изд. л. +2 накид. и
2 вкл.=8,42. Заказ № 375. Тираж 10.000 экз. Цена 54 коп.
Издательство «Художественная литература», Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19

Московская типография № 20 Главполиграфпрома
Государственного комитета Совета министров СССР по печати
Москва, 1-й Рижский пер., 2